



Евгений Григорьевич Новичихин родился в 1939 году в селе Верхнее Турово Нижнедевицкого района Воронежской области. Окончил Воронежский лесотехнический институт. Автор более сорока сборников стихотворений для детей, сатирических миниатюр, литературных пародий, переводов, краеведческих этюдов, нескольких киносценариев. Лауреат премий и.м. М.А. Булгакова, А.П. Платонова, Е.И. Носова, «Родная речь» журнала «Подъём», премии «Имперская культура» и.м. Э. Володина. Заслуженный работник культуры РФ. Член Союза писателей России, Союза кинематографистов. Живет в Воронеже.

Евгений Новичихин

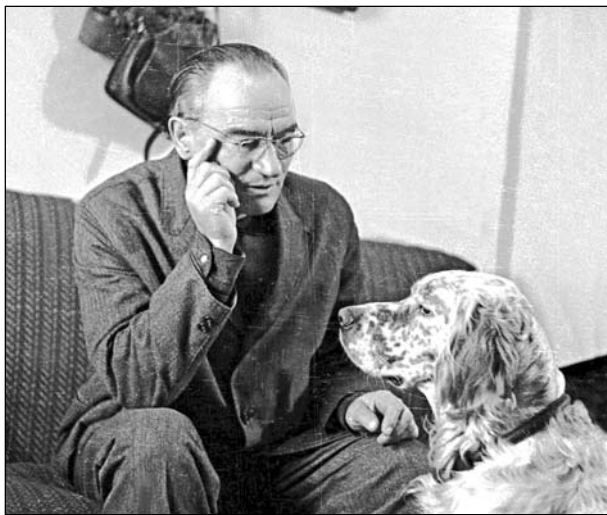
«МИЛОСТЬ БОЖЬЯ, КОТОРАЯ НАЗЫВАЕТСЯ ДУШОЙ...»

(120 лет Гавриилу Николаевичу Троепольскому)

Кем-то сказано, что с умными и талантливыми людьми непросто наладить обычные человеческие отношения: у них слишком много граней, а поэтому мал шанс того, что какие-то из этих граней соприкоснутся с вашими. Мысль верная, но только, на мой взгляд, при одном условии: если этот «умный и талантливый» везде и всюду свой ум и свой талант выставляет напоказ. Если же он внимателен к другим, человечен, то общаться с ним легко.

В трудах выдающегося русского юриста А.Ф. Кони есть замечательная мысль: «Самое сложное в искусстве — да и в жизни — простота, но хороша только та простота, которая дорого стоит». Амбициозность постепенно разрушает человеческую душу. Да и тем, на кого эта амбициозность направлена, она не только крайне неприятна. Она унизительна для человеческого достоинства.

Лично мне с Гавриилом Николаевичем Троепольским общаться было просто. В редакцию журнала «Подъём» он приходил иногда по нескольку раз в неделю, задерживался здесь подолгу. Дружил с Виктором Михайловичем Поповым, который считал себя его учеником, а



Гавриил Троепольский

также с Александром Ивановичем Гридчиным и с более молодыми — Иваном Евсеевко, Станиславом Никулиным, со мной. Среди воронежских писателей-ровесников у него был, пожалуй, только один друг — Евгений Дмитриевич Люфанов.

О Троепольском написано и сказано многое. Рассказывал о нем и я. В этой своей публикации я хочу поведать всего лишь о нескольких страницах из жизни писателя, о которых мало кто знает. Одна из них связана с выступлением Троепольского, неоднозначно оцененным писателями разных литературных и идеологических направлений и сыгравшим определенную, может быть, даже роковую роль в судьбе самого Гавриила Николаевича. Речь идет о его выступлении на VIII съезде писателей СССР.

Съезд этот открылся в зале заседаний Большого Кремлевского дворца 24 июня 1986 года. Это был первый (и последний) всесоюзный писательский съезд, на котором Михаил Сергеевич Горбачев присутствовал в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС (полугодом раньше М.С. Горбачев посетил и съезд писателей России). Вместе с Генеральным секретарем в почетный президиум вышли, как тогда было принято, все члены Политбюро. Конечно, никто из нас, занимавших места в зале Кремлевского дворца, не мог знать, что съезду предшествовала острая ситуация, связанная с публикацией в журнале «Наш современник» рассказа Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии». В Грузии этот рассказ был принят в штыки: в нем усмотрели оскорбление национальных чувств грузинского народа. От имени Союза писателей Грузии в Политбюро ЦК КПСС полетело возмущенное письмо с требованием дать суровую оценку произведению Астафьева.

Понятно, что в Политбюро были встревожены. Перестройка делала только первые шаги, и скандал на писательском съезде был бы совсем некстати, тем более что в Кремлевском дворце присутствовали многочисленные иностранные писательские делегации. Можно представить себе, в каких тонах беседовали в Центральном Комитете с первым секретарем правления Союза писателей СССР Георгием Мокеевичем Марковым. От него наверняка потребовали не допустить скандала. А как не допустить? Писатели — народ независимый, да и за словом в карман не полезут. Конечно, руководитель Союза писателей не мог не переживать за то, как пойдет работа съезда.

Георгий Марков вышел на трибуну съезда взволнованным. Произнес вступи-

тельное слово. Избрали президиум (в него вошел и Г.Н. Троепольский), секретариат, ревизионную комиссию. Почтили память писателей, ушедших из жизни за период, прошедший после предыдущего съезда. Маркову предоставили слово для отчетного доклада. Его тема была поименована так: «Никогда не отгораживаться от тревог современного мира, от жизни народа». Через несколько минут после начала доклада Марков вдруг стал бледнеть и терять сознание. Коллеги из президиума подхватили его и увели с трибуны. Доклад дочитывал Владимир Васильевич Карпов.

В отчетном докладе острая тема, связанная с публикацией «Нашего современника», была обойдена. Деликатно поднять ее поручили Сергею Владимировичу Михалкову, возглавлявшему Союз писателей России. Ему дали слово в прениях первым. В своем блокноте я записал, что Михалков говорил о том, как неплохо было бы вернуть в писательскую профессию понятие интеллигентности. Не желая обидеть Виктора Астафьева, Сергей Владимирович сначала назвал его «замечательным русским писателем». А уж потом сказал, что по его, Михалкова, мнению, астафьевский рассказ «Ловля пескарей в Грузии» задевает национальные чувства братского народа — причем задевает «обидно и бестактно».

В этот же день, на вечернем заседании, слово было предоставлено и руководителю Союза писателей Грузии Георгию Цицишвили. Георгий Шалвович, почувствовав поддержку, о рассказе Астафьева говорил более пространно. В моем блокноте записано: «автор прибегнул к непозволительным обобщениям», «беспардонно оскорбил весь грузинский народ», «не только грузинский, но и все народы Кавказа». В выступлении Цицишвили звучали и слова «недопустимая бестактность», «намеренное искажение», «издевка», «в превратном свете». По мнению выступавшего, именно так представлены в рассказе национальные особенности грузинского народа.

Вероятно, на этом можно было бы поставить точку, считая проблему с рассказом «Ловля пескарей в Грузии» исчерпанной. Но совсем неожиданно в четвертый день съезда, выступая на утреннем заседании первым, к этой теме возвратился Валентин Григорьевич Распутин. Основная часть его выступления была посвящена проблемам северных рек и Байкала. Но начал он с национального вопроса. Распутин сказал, что народы нашей страны живут в одном доме, одной семьей, поэтому от недостатков каждого из нас страдают сообща. Русские писатели откровенно, с болью рассказали о пьянстве русского мужика, и никто в России не оскорбился. Никто не принял за издевательство, когда эта боль звучала и в произведениях писателей Украины, Молдавии. В рассказе Астафьева тоже нет никакого оскорбления, а есть правда и боль. Чтобы лечить болезнь, ее следует назвать. Обращаясь к грузинским коллегам, Распутин сказал, что в Грузии, видимо, не хотят лечить свою болезнь, хотя она хорошо видна по всем просторам страны.

На этом же заседании Распутина поддержал Василий Иванович Белов. Имея в виду выступление С.В. Михалкова, Белов сказал, что до сих пор слово «партийность» сочеталось со словом «народность». Почему же теперь понадобилось заменить народность интеллигентностью? По мнению выступающего, произошло это в связи с письмом в ЦК по поводу рассказа Астафьева, который сделали поводом для очередного наскока на редакцию журнала «Наш современник».

Не помню уже, когда это произошло — то ли во время выступления В.Г. Распутина, то ли во время выступления В.И. Белова, — но грузинская делегация демонстративно, в полном составе покинула съезд. Скандал, которого не хотели, все-таки разгорелся. Его надо было тушить.

У меня нет фактов, чтобы говорить, как развивались события дальше. Но я просто уверен, что тогдашнего главного редактора «Нашего современника» Сергея Васильевича Викулова попытались принудить публично принести извинения грузи-

нам. Видулов этого не сделал. Позднее Троепольский рассказывал нам, что к нему подошел секретарь ЦК КПСС Михаил Васильевич Зимянин и попросил выступить, постаравшись сгладить возникший конфликт. Гавриил Николаевич согласился.

Троепольскому дали слово на этом же заседании. Он начал с того, что его не покидает ощущение присутствия на этом съезде Александра Трифоновича Твардовского. Далее он размышлял о необходимости борьбы с серостью в литературе, важности изменения отношения к критике. После этого Троепольский обратился к писателям из Грузии. Говорил о дружбе русского и грузинского народов, о своем личном уважении к этому народу. Рассказ «Ловля пескарей в Грузии» Гавриил Николаевич назвал грубой ошибкой и от имени редколлегии «Нашего современника», членом которой в те годы был, принес грузинской делегации извинения за его публикацию.

По сути дела, Троепольский своим выступлением закрыл амбразуру скандала. После этого выступления грузинская делегация возвратилась в зал заседаний съезда.

Вскоре после съезда Троепольского пригласили в Грузию. Он возвратился оттуда каким-то воодушевленным. Радостно рассказывал нам, как горячо его принимали, как понравилась ему республика. Показывал грузинские газеты, в которых писателю были отведены целые развороты под «шапку» «Большой друг грузинского народа».

Но никогда еще не бывало, чтобы закрывающий амбразуру не пострадал сам. В литературной среде многие выступление Гавриила Николаевича на съезде не просто не одобряли, а восприняли крайне негативно. Постепенно расстроились его отношения с руководством Союза писателей России. С руководителем Воронежской писательской организации Владимиром Гордейчевым у него и без того были отношения сложные. И когда в 1991 году Союз писателей России раскололся, Троепольский ушел в другую творческую организацию — Союз российских писателей. Многие недоумевали: все его воронежские друзья — в одном Союзе, а сам он — в другом. Недоумевали и мы. Между собой даже высказывались о его поступке в довольно резких тонах. При встречах с ним были, конечно, помягче, но тоже не молчали. Но на все наши недоумения он неизменно отвечал: «Я ушел не от вас, а от Бондарева и Гордейчева». (Юрий Васильевич Бондарев к тому времени возглавил правление Союза писателей России.) Несмотря на уход в другой Союз, с нами Троепольский продолжал дружить до конца своих дней.

Малоизвестные эпизоды из жизни Троепольского относятся и к концу 1987 года. 15 декабря того года в Москве, в Колонном зале Дома Союзов ВЦСПС, проводился торжественный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Самуила Яковлевича Маршака. Организаторами вечера были Союзы писателей СССР и России. Из Воронежа на него были приглашены двое: Троепольский и я (в то время я был председателем правления Воронежского отделения Союза писателей России). Телеграмма из правления Союза писателей СССР по этому поводу пришла ко мне, в писательскую организацию. Я сразу же позвонил Троепольскому. «Давай поедem», — не раздумывая сказал он. И добавил: «Может, и ты со мной вместе, на машине?»

Даже в преклонные годы Гавриил Николаевич оставался заядлым автомобилистом. Поездов он просто не признавал и на все писательские съезды и пленумы отправлялся в Москву только на автомобиле. Однажды пришлось нам с Виктором Михайловичем Поповым вместе с ним ехать на его «жигулях» по Москве. Мы ехали на похороны писателя Виктора Петрова, времени у нас было мало. Это, скажу вам, была еще та поездка! Выжимая из автомобиля все, что можно, Троепольский мчался на предельной скорости, не признавая при этом, на мой не такой уж профессиональный взгляд, никаких правил.

После этого ни Попов, ни я в его «жигули» не селись. Отказался я и на этот раз.

В Москве встретились с ним 14 декабря в гостинице «Москва», куда нас посылал хозотдел Союза писателей СССР. У меня есть давняя привычка оставлять в записной книжке свои координаты в гостиницах, а также координаты своих коллег. Именно поэтому точно знаю, что мы жили с Троепольским на одном этаже: он — в 620-м номере, я — в 648-м.

И в этот день, и на следующий каждый из нас занимался своими делами. В Доме Союзов встретились вечером 15 декабря. Торжество начиналось в 19 часов. Троепольского и меня как земляков Маршака пригласили в президиум. Вечер вел Сергей Владимирович Михалков. Выступали известные деятели культуры, детские писатели. Почему-то запомнилось лишь выступление Тимура Гайдара — может быть, тем, что в нем была любопытная человеческая деталь: он вспоминал, как Маршак приходил домой к его отцу и частенько сажал маленького Тимура к себе на колени. Выступал и Гавриил Николаевич. Он говорил о значении воспитания детей и подростков, о детской литературе.

В Москве мы оставались до 17 декабря. Следующим вечером Троепольский позвонил ко мне в номер: «Ко мне с минуты на минуту приедет Ростоцкий. Обязательно приходи».

От возможности встретиться с выдающимся режиссером я, разумеется, не отказался.

Мне не раз приходилось сожалеть о том, что, возвратившись домой с работы или с писательского собрания, не записывал то, о чем говорил Троепольский. В его присутствии записывать было невозможно — об этом все знали. Если кто-то, по незнанию, доставал блокнот и ручку, Троепольский сразу взрывался от возмущения. Почему — это он никому не объяснял. Могу только догадываться: вероятно, в газетах и журналах его мысли не раз искажали, а он этого не любил. Впрочем, кому из нас это нравится!

Увы, не записал я, возвратившись в гостиничный номер, и беседу Троепольского с Ростоцким. Но что-то запомнилось. Станислав Иосифович Ростоцкий интересно рассказывал о своей поездке в Италию, о встрече с папой Римским. Троепольский же говорил о работе над своим новым романом «Колокол», о том, как трудно она идет: не отпускает «Белый Бим...», не дают читатели своими многочисленными письмами и звонками. Заметно было, что Ростоцкий заинтересовался новой работой писателя. Он даже весьма осторожно завел речь о возможной экранизации будущего произведения. Но Гавриил Николаевич решительно его остановил: «Говорить об этом слишком рано...»

Отложилось в памяти и то, что в беседе с Ростоцким Троепольский раза два или три называл, аргументируя какие-то свои мысли, имя Николая Рериха. Ростоцкий остался к таким аргументам явно равнодушным. (Впоследствии выяснилось, что произведения Н.К. Рериха присылала Троепольскому из Ленинграда автор самобытных иллюстраций к «Белому Биму...» Елизавета Максименко. Об этом можно узнать из ее книги рисунков, изданной в Санкт-Петербурге в 2010 году, в которой опубликовано несколько писем Гавриила Николаевича. О том же — в моей рецензии на эту книгу, опубликованной в «Воронежской неделе» 6 октября того же года.)

Вспоминали о совместной работе над кинофильмом «Земля и люди». Сегодня этот фильм уже позабыт. Ростоцкий снял его на киностудии имени М. Горького в 1955 году и, если мне не изменяет память, это была его первая режиссерская работа, причем — не очень удачная. А автором сценария был Троепольский.

Помню, как настороженно ждал я разговора о кинофильме «Белый Бим Черное ухо». Настороженность моя объяснялась тем, что друзьям Троепольского было известно: писатель в свое время отказался быть соавтором сценария фильма, потому что не соглашался с какими-то концептуальными вопросами в подходе режиссера к раскрытию темы. С какими конкретно — Троепольский никогда не рассказывал. Как

известно, создатели фильма были удостоены Ленинской премии. Многих удивляло: а почему такую же премию не получил писатель? Ведь фильм снят по его книге! Но формально из-за своего отказа Троепольский не имел к работе над фильмом никакого отношения. Словом, какие-то недоразумения между Ростовским и Троепольским существовали. Но, к моей радости, они деликатно не стали к ним возвращаться.

Встреча двух корифеев русской культуры продолжалась часа четыре, и от нее в моей душе навсегда осталась светлая и чистая полоска.

И, наконец, еще один эпизод. В ноябре 1989 года Главная редакция литературно-драматических передач Центрального телевидения предложила мне, главному редактору журнала «Подъём», провести в Государственной библиотеке имени В.И. Ленина вечер журнала. Он состоялся 15 ноября. Я пригласил на него членов редколлегии и самых известных наших авторов. Среди них были воронежцы Владимир Гордейчев, Олег Ласунский, москвичи Вадим Кожинов, Рой Медведев, Виктор Боков, липчанин Иван Завражин, белгородец Виктор Белов и другие. Был, конечно, и Гавриил Николаевич Троепольский. Выступали, отвечали на вопросы...

Когда я предоставил слово Троепольскому, он, в отличие от многих других выступавших, был лаконичен, ограничившись только ответами на поступившие к нему вопросы. Говорил, как всегда, спокойно и размеренно. Публикую здесь его выступление по сохранившейся у меня видеозаписи вечера журнала, показанной Центральным телевидением 3 февраля 1990 года.

«Две записки, которые я читаю подряд:

«Гавриил, Николаевич, хотелось бы знать Ваше мнение о состоянии нашей культуры. Не кажется ли Вам, что уровень ее катастрофически падает?»;
«Хорошо известно Ваше отношение к проблеме бездуховности. Не изменилось ли оно сегодня, во времена перестройки?»

Две записки, в которых можно поставить полсотни знаков вопроса. Я постараюсь быть кратким. Из всех дефицитов, которые у нас в наличии, самый серьезный и большой дефицит — это дефицит нравственности. Я говорю точно, я в этом убежден. Конечно, ведь на убеждения другого можно смотреть с двух точек зрения. Одна точка зрения такая: «Все, что мне не нравится, — это неправда». А другая точка зрения: «А может, и правда? Так я подумаю...»

Не буду обращать свой взгляд в историю, к тому, каким образом и при каких условиях разваливалась нравственность, как страх был всесоюзным недугом и как это отразилось на формировании личности — может, даже на целых поколениях. Не буду об этом говорить. Эта тема для литературы большая. Она не новая, чему свидетельством служат и все деяния наших классиков, и некоторых советских писателей. Но последним — советским писателям — мягко скажем, было не легче, чем первым, чем классикам.

В нашей литературе последнего времени нет книг о доброте, доверии, искренности, преданности долгу. На этом и можно поставить точку. На мой взгляд, создание таких книг — одна из самых важнейших задач нашей литературы. Так мы сейчас уперлись в критику прошлого, так мы вскрыли все черные пятна... Повторяем, повторяем, повторяем... А где же милость-то Божья, которая называется душой?

В планах всех журналов нужны произведения, иные формы об интеллектуальности и о тех качествах человека, которые должны воспитываться в нашем обществе. Надо же, наконец, донести до общества, до общественного сознания, что этика — это действительно наука о нравственности. Ее надо преподавать в школах — с младших классов. Ну хотя бы по программе той, старой, гимназии. И за это было бы спасибо...»

Доброте, доверию, искренности, преданности долгу, о которых он говорил в этом выступлении, были посвящены все его книги...